

В защиту Монархии *)

Два разных течения эмигрантской политической мысли сталкиваются и враждуют по всякому поводу. Монархисты и республиканцы упрекают друг друга за прошлое и готовятся к схватке в будущем. При этом обычно не говорят о том, что лучше, а о том, что будет. Элемент гадания преобладает над элементом рассуждения. В одном, однако, обе стороны безусловно согласны: и тем и другим большевицкая власть в России кажется временной, подлежащей, рано или поздно, тем или иным путем, упразднению.

В общих чертах можно наметить два пути перемен в России, если предположить, что они неизбежны. Во первых, перемены медленные, постепенные. Во вторых, перемены резкие, революционные. В результате, и медленный, и революционный пути ведут к какому то концу старого и началу нового порядка.

Откинем бесплодное гадание о том, что будет после большевиков: шансы есть и у монархистов, и у республиканцев. Посмотрим только в каких условиях сможет возникнуть практическая борьба между двумя лагерями. Один иностранный дипломат высказал недавно мнение, которое точно определяет смысл нашего пребывания за границей. «Советский аппарат, рухнув», — сказал он, — «сметет с собою все, потому что, охватив всю страну, он ничего не оставил за своими пределами, что могло бы притти ему на смену». Не сможем притти ему на смену и мы, — нас мало и мы далеко. Но самый факт падения советского аппарата неизбежно выдвинет вопрос о том, как быть дальше, и выдвинет его в основном, так сказать, виде: Придется, как будто, заговорить о самом главном. Что же будет это самое главное?

Есть некоторые основания думать, что перемена будет носить, главным образом, политический, а не социальный характер. Мы видим к этому две причины. Во первых, та сравнительная нивелировка, которой достигла советская система, устранила одно из прежних революционных побуждений. Нет больше ни помещиков, ни капиталистов, ни вообще «господ». Их, стало быть, ни свергать, ни грабить, ни истреблять больше невозможно. Отсюда мы выводим, что главный удар обрушится на агентов власти, на «коммисаров», на все то, в чем физически воплощена коммунистическая власть. Другими словами, за долгие грехи расплатятся, в первую голову, политические работники.

*) Настоящая статья является сокращенным изложением доклада Я. Н. Горбова «В защиту монархии», любезно предоставленного им в распоряжение редакции «Русского Временика».

Во вторых, можно думать, скажется и довольно точно установленное правило, в силу которого социальным переменам снизу должны предшествовать политические перемены наверху.

Исходя из этих положений, мы и думаем, что грядущая русская революция будет носить главным образом политический характер, и только подсобно и косвенно — социальный. «Самыми главными» будут вопросы политические. Положения, которые тогда подвергнутся обсуждению, должны будут иметь характер «учредительных», другими словами: конституционный.

Отсюда один шаг до общего вывода: не исключено, что заблаговременная постановка вопроса о монархии предопределил ее торжество. Но для этого нужны некоторые условия. К счастью они найдены. Не только жив Претендент на русский Престол, — Государь Кирилл Владимирович, но, — что очень важно, — Его права не оспариваются ни одним из членов Династии. Кроме того, у Государя есть сын, — Наследник Владимир Кириллович.

Само собой разумеется, что монархический абсолютизм не имеет теперь никаких решительно шансов на успех. Но в том то и дело, что в монархической идее, вообще, заключаются очень большие ресурсы гибкости и приспособляемости. Будучи независимей республики от политических страстей, монархия оказывается неизменным стержнем, вокруг которого складываются постоянно меняющиеся формы социально-политической жизни. При попытке установить монархический образ правления, на обломках теперешней русской республики, монархическая идея должна будет настойчиво напомнить об этом своем преимуществе.

Но вера в исключительное значение тех или иных конституционных рамок в значительной мере утрачена; поэтому у всякой политической идеи должен непременно быть «социально-экономический коэффициент».

Важно, стало-быть, с самого начала знать о какой монархии мы говорим. Если о голой реставрации, о «монархическом реванше», то вопроса поднимать вообще не стоит, но если речь идет о какой то иной монархии, отличной от существовавшей уже в России, о передовой, демократической, освобождающей и примиряющей монархии, то шансы ее сразу возрастают.

Первоначальный вопрос: монархия или республика, нуждается в дополнениях. Самая постановка этого вопроса предполагает множественность ответов. В самом деле, возможна: социальная, социалистическая, демократическая, либеральная, клерикальная, буржуазная, рабоче-крестьянская, трудовая и т. д. республика. Но и монархия может быть: социальной, конституционной, демократической, самодержавной, трудовой, советской, ограниченной и т. д.. И если, в обоих случаях, содержание может совпасть, то все-таки остается вопрос: хорошо ли или плохо данное содержание охватывается и, в особенности, охраняется данной формой?

С этой точки зрения, вопрос о монархии и республике не безразличен. «Левыми», как и «правыми» могут быть и республика, и

монархия. Стронникам того или иного содержания надо, стало быть, позаботиться о том, чтобы соединить свои усилия с той конституционной формой, которая им кажется более прочной, податливой, гибкой и менее своекорыстной.

Существенно, конечно, отметить, что взгляды Государя Кирилла Владимировича, выраженные в Его манифестах, без всякого сомнения, гораздо «левее», чем высказывания многих республиканцев.

Роль неограниченной царской власти в процессе создания русской Империи, неоспорима. Нет никаких оснований умалять достоинство прежде царствовавших Императоров. Но в будущем для самодержавной монархии нет надлежащих условий. Поэтому откинем обсуждения вопроса о неограниченной царской власти, действующей независимо от народного представительства, в силу своего божественного происхождения, на основах единоличного усмотрения. Да и не в этом, в наше время, центр тяжести монархической идеи, и не этим она теперь сильна. Ее связь с прошлым и те надежды, которые она может дать на будущее, расположены в плоскости традиционного соблюдения русской чести. И наша сила, здесь за границей, именно на том и покоится, что большевицкому бесчестью, большевицкой военной измене и большевицкой подлости, мы можем противопоставить не только самих себя, но и династию, которая не подчинилась новой власти и, едва оказавшись за пределами ее воздействия, незамедлительно подняла свой голос. На нашей стороне теперь оказался как бы «химически чистый» монархизм, политическая идея, сведенная до своего простейшего выражения. От нас зависит снабдить ее современным, и не только приемлемым, но и желательным, социально-экономическим коэффициентом.

Надо признать, что мы еще не дошли до нужной степени ясности и простоты в наших утверждениях, что мы все же пребываем в области весьма туманных и плохо выраженных надежд. Однако, мы не позволяем себе больше сомнительной роскоши вещаний и пророчеств Ветхо-Заветного стиля о «сроках» и «свыше начертанных временах», — чем серьезно злоупотребляли в первые годы изгнания. Мы стали логичнее в выводах и реже попадаем на удочку «глубочайшего внутреннего убеждения», «подсознательного почина» и прочей расплывчатой фразеологии. Мы хотим фактов, доказательств, проверенных свидетельств, статистических данных, объективных выводов.

И, надо сознаться, в этих условиях о монархии говорить труднее, чем о республике.

Действительно, ведь монархия, больше чем республика, овеяна политической и религиозной мистикой. Монархия, к тому же, бесцветно и бесплодно пала в России. В С.С.С.Р. образ Царя, Попа и Кулака почти двадцать лет составлял предмет планомерной и рассчитанной травли. За границей мы, монархисты, находимся в тягостном раз-

общении. Наконец, против нас работает крепко сложившийся взгляд, что республика по отношению к монархии есть шаг вперед на пути политического прогресса.

Конечно, список возражений против монархии этим не исчерпывается. К тому же известно, что переубедить возражающих почти невозможно. Наша задача гораздо скромнее. Она заключается в том, чтобы при помощи спокойных слов изложить нашу точку зрения и указать на те возможности, которые таит в себе монархический принцип и сам по себе, и как орудие незамедлительной борьбы с большевиками.

Мы отметили, что монархия заключает в себе большие ресурсы гибкости и приспособляемости. Но есть все же в монархическом принципе и нечто совершенно неподвижное и, пожалуй, это-то свойство больше всего и наивыгоднейше отличает ее от республики. Стержень монархии как бы находится вне человеческих возможностей и независимость эта до очевидности проста.

Нам нужно, стало-быть, вернуться к самым истокам монархической идеологии и определить что такое в нашем понимании монархический принцип. Тонкости спора о юридической природе монархии нас тут не интересуют. Еще меньше мы можем уделить внимания различным толкованиям основных законов Российской Империи. Речь идет о восстановлении не этих основных законов, а самого монархического принципа, который им предшествует. Если монархия в России восстановится, то она сама сможет подвести под себя новые основные законы, которые и будут приспособлены к требованиям жизни. Однако, природный закон, из которого вытекли в прошлом и, может быть, вытекут в будущем основные законы, сохраняет для нас, монархистов, свою полную силу. Больше того, именно на живучести этого основного закона, на его очевидной простоте и ясности, мы и строим все наши надежды.

В двух словах, мы формулируем этот природный закон ниже-следующим образом: Монархия, это то государственное устройство, при котором верховная власть переходит от Монарха к его преемнику в порядке естественного первородства. Вот об этом монархическом принципе, и о его практической поддержке, мы и будем говорить. Мы попросту откинем всякий спор с теми, кто утверждает, что монархия, это — всего на всего единовластие. Надо бы было, в этом случае, говорить не о монархии, а о «монократии». В интересах номенклатурной ясности и уступая требованиям эмигрантского политического жаргона, мы теперь же оговоримся, что в дальнейшем наложении мы под словом монархия подразумеваем только легитимную монархию.

Далее, определяя в основном нашу политическую позицию, мы не можем не отметить, что мы отнюдь не противопоставляем монархию демократии. Это, конечно, совершенно естественно, и если такое противоположение и имеет в некоторых кругах эмиграции силу, то в этом кроется очевидное недоразумение. Монархия, так же как и республика, может быть демократической, и республика, так же как и монархия, может носить полицейский и произвольный характер. Мы думаем, что если в России должна быть монархия, то только

демократическая. Мы, стало-быть, относим себя к числу монархистов-демократов. В этой формуле мы видим наилучшее из возможных сочетаний специально русских исторических и национальных традиций с традициями, если так можно выразиться, общеперсонархии возможности соединения традиционного наследования верховной русской «власти-чести» с наиболее широкой политической и гражданской свободой.

Старая мысль, что Царь — царствует, но не управляет, в наше время произвольных и авантюристических диктатур и большой неустойчивости демократических республик, может оказаться едва ли не единственной, всех примиряющей мыслью. Но для того, чтобы попытаться выдвинуть ее вперед и привлечь к ней широкие слои населения, нужны три основных условия:

Во первых, искреннее и незаинтересованное участие в таком движении лиц, близких к Династии. Во вторых, нужно, чтобы в России произошла не медленная, а революционная перемена. Наконец, в третьих, необходимым условием является существование Претендента на Престол. Это условие сейчас налично.

Находясь за рубежом мы как бы боремся с временем и пространством, отделяющими нас от нашей естественной среды, от русской земли и народа. Но, все же, наша родственная связь с русскими и с Россией отнюдь не порвана. Если уж нам не дано соединиться с русскими, оставшимися в России, в пространственном измерении, то мы, в меру наших сил, стремимся не быть в разобщении с русской жизнью в измерении временном. Мы пытаемся не отстать от того, что делается в России. Можно привести целый ряд цитат из эмигрантской политической литературы, которые подтверждают это мнение. «Миссия эмиграции», «долг эмиграции», «задачи эмиграции», «санкти-коммунистическая пропаганда эмиграции», «зарубежная Россия» — сколько разнообразнейших и не оставляющих сомнения формул и восклицаний могут подтвердить, что мы не считаем себя отрезанным ломтем, и что, больше того, мы приписываем себе какую то роль в настоящем, и, в особенности, в будущем. В сущности говоря, такое самоутверждение эмиграции не только совершенно логично, но и законно. Нелогично и почти противуестественно было бы обратное утверждение, т.е. отрицание своей роли, признание самих себя за никуда не годное отребье, которому цена ломанный грош. Есть, конечно, и такие голоса, но все-таки это исключение, а не правило. За исключение и, при том, печальное надлежит признать и манеру некоторых наших организаций и отдельных лиц утверждать, что они ближе к советской действительности, чем к эмигрантской.

В этом явная неточность, чтобы не сказать легкомыслие. В Россию эти люди не возвращаются не оттого, что их «не хочет отпустить старо-эмигрантское болото», с которым они демонстративно рвут, а оттого, что им в России грозит каторга и смерть. Кроме того, претензия быть ближе к советской действительности, чем к эми-

грантской, ничего не означает, или означает только плохое. Здесь мы свободны и свобода позволяет нам иметь независимое суждение. С какой же стати добровольно пытаться наложить на себя печать молчания и подобно нашим братьям не говорить вслух того, что мы думаем? Как бы там ни было, в некоторой степени, эмиграция является экраном, на который проецируются не могущие быть высказанными в России, мысли. Мысли эти, поэтому, не имеют самодавляющего значения и оказываются функцией внутрирусского молчания. Тем большей представляется «законность» всех их разновидностей и оттенков, в том числе и монархо-демократического. Значительность этого последнего течения подтверждается тем, что оно группируется вокруг бесспорной реальности: заявившей громко о своем праве русской Династии.

Нам кажется, что нельзя спорить с тем, что главным основанием, на котором покоится формула: «мы можем тут сказать то, что там можно только думать», является наличие «в странах рассеяния», по крайней мере в большинстве их, — политической свободы. Здесь налицо как раз то, чего так остро и тяжело не хватает в России. Политическая свобода это то же самое, что конец большевицкого царства.

Отметим однако, что если политической свободой пользуются здесь все наши партии, то далеко не все сходятся на положительной ее оценке. Та формально-демократическая свобода, под защитой которой мы можем говорить то, что думаем, для иных оказывается недостаточной. Но тщетно мы будем искать исчерпывающих положительных формулировок. «Левые» организации этим вопросом совсем не занимаются. Для них тут все ясно. Те же, которым политическая свобода как то страшна, впадают в такую казуистическую и философскую рыхлость, в которой, практически, нельзя разобраться. По видимому, в последнем случае, играет роль политическая незрелость, соединенная с модным увлечением, так называемыми, «успехами фашизированных государств». Некоторая склонность к «твердой власти», пожалуй, оправдана, и крайние либеральные теории вряд ли применимы к России. Но нельзя забывать, что «твердая власть» и политическая свобода не только друг другу не противоречат, но друг друга дополняют, так как без политической свободы твердая власть превращается в насилие и деспотию, и, в свою очередь, свобода, не подкрепленная твердой властью, грозит превращением в анархию. Представляется совершенно излишним искать каких то, никогда и нигде не существовавших, новостей в отношении политической свободы. Самое разумное взять пример с тех стран, где эта свобода давно существует, точно определена и уже успела принести свои плодотворные результаты. Путь уже указан. Не стоит, стало-быть, ломить демократическая монархия несет с собою освобождение.

И нельзя не признать, что малейшего подозрения в том, что монархия идет для мести, насилия, диктатуры, вполне достаточно, что

бы безнадежно скомпрометировать все усилия лиц, окружающих Претендента на Престол, Государя Кирилла Владимировича, а также и Его собственные усилия.

Если мы можем угадать «что то» «монархическое» в теперешней русской жизни, то только в некоторых, не совершенно еще истребленных, слоях старой интеллигенции, в части бывших рядовых государственных служащих, статских и военных, и в известных группах крестьянства. При помощи этих остатков и можно попытаться в нужную минуту сообщить монархической мысли некоторый резонанс. И уж конечно, — само по себе понятно, — если эта первая попытка будет окрашена в диктаторно-фашистский цвет, если населению покажется, что на смену одному насилию ему предлагают избрать другое, — то наше дело надо заранее считать проигранным.

Не в ссылке на божественное происхождение и не в сходстве с императивностью диктатур заключаются преимущества монархии. Она, в самом деле, покоится на началах преемственности, длительности, постоянности, нормальности, традиционности, тогда как идея диктатуры подразумевает, именно, временную замену нормально обоснованной власти властью экстренной, беспреимственной, непостоянной, ненормальной, а-традиционной, базирующейся на известной экзальтации. Диктатору — декламация. Царю — сердце и любовь. Но если декламаторский пафос так же быстро исчезает, как появляется, то сердце, — если любит, — не прощает ошибок.

Монархистам, стало-быть, надо уберечь Царя от ошибок, и, если Он таковые совершает, принять всю тяжесть их на себя. Оттого то и необходимо, чтобы Царь появлялся не на политической сцене, а на исторической, чтобы Он говорил редко и мало, и только простые и торжественные слова.

Грязь политики это удел Его министров. Разделение царственных и управительных функций не есть, стало-быть, досужее измышление крамольников, а естественный этап развития монархической идеи. В таком именно виде и должен быть представлен России монархический принцип. Тогда Претендент имеет шансы на успех, так как самый облик Его оказывается противопоставленным обскурантизму той эпохи, которой, мы надеемся, демократическая и просвещенная монархия придет на смену.

Такая монархия представляется нам лучшей гарантией дальнейшего культурного развития России. Но самодержавная монархия, это уже только история.

Мы можем теперь подвести некоторый предварительный итог нашим заключениям:

1) Вместе с многими другими эмигрантами (как монархистами, так и многими республиканцами) мы строим наш расчет на том, что в России должна произойти революционная перемена.

2) Мы полагаем далее, что в результате этой революции в России возникнет своего рода политическая *tabula rasa*.

3) Мы считаем, что в этом случае политические вопросы пойдут впереди социальных и экономических.

4) Но мы думаем, что, как бы ни были заострены и обнажены политические требования, в наше время они бессильны и не имеют веса, если не снабжены некоторым социально-экономическим коэффициентом.

5) Мы полагаем, что в России сохранились, и еще некоторое время будут налично, слои населения, которые могут откликнуться на монархическую пропаганду.

6) Но мы считаем, что откликнуться они могут только в том случае, если эта монархическая пропаганда не будет вдохновлена стремлением к возвращению «старого режима», и социально-экономический коэффициент, которым она будет снабжена, окажется на уровне современного прогресса.

7) Мы думаем, что монархо-демократический принцип соответствует современным историческим требованиям России.

8) Мы считаем, что манифесты и заявления теперешнего Претендента на Престол, Государя Кирилла Владимировича, находятся в полном согласии с этим монархо-демократическим принципом.

9) Нам кажется, что некоторые эмигрантские политические организации, стремящиеся окрасить русскую монархическую претензию в диктаторные цвета, оказывают этим плохую услугу тому делу, которому хотят служить.

10) Мы считаем, в частности, что провозглашение принципа политической свободы соответствует пожеланиям подъяремного советского населения; что первым звеном восстановления в России, поправной революцией, законности есть восстановление природного закона о престолонаследии; что речь идет не о восстановлении основных законов Империи, а о провозглашении того принципа, который служит первоосновой этим законам.

11) Нам кажется, — так же как многим другим, — что эмиграция говорит вслух то, что в России можно только думать.

12) Из этого мы заключаем, что зарубежные монархисты в такой же мере соответствуют какой то русской реальности, в какой соответствуют ей зарубежные республиканцы. У монархистов перед республиканцами, во всяком случае, есть то преимущество, что они связаны с правовым моментом, и не только не «голосуют за границей за республику», но поддерживают независимое от всякого голосования, персональное и универсально признаваемое право.

Удержим из этого перечня два главных положения:

1) Наше политическое убеждение монархистов, т.-е. нашу уверенность в том, что в монархии, а не в республике, заключено благо нашей родины.

2) Нашу уверенность в том, что даже здесь, в изгнании, политическая позиция монархистов тактически сильнее республиканской.

Первый пункт, идейно-теоретический, относится к будущему. В этом смысле, в защиту русской монархии говорит наша история. Действительно, демократическая монархия, это тот этап, который, ве-

роятно, соответствует свободно выраженному русскому национальному сознанию, поставленному в условия возможности спокойного обсуждения русской государственности и быта. После анархии, зарантгарированной свободы, длительной преемственности — естественно.

Второй пункт маневренно-тактический. Он относится к настоящему. Мы решительно отвергаем упрек, который нам делают республиканцы в том, что мы, монархисты, представляем собой скопище людей, воодушевленных реставрационными побуждениями, и что наша цель заключается в том, чтобы навязать России отсталый и не соответствующий духу времени образ правления. На это мы отвечаем: мы не реставраторы. Мы такие же демократы, как и вы, республиканцы, и нам так же дорого, как и вам, благополучие нашей родины и наших братьев. Перед вами мы имеем то преимущество, что тот строй, защитниками которого мы себя провозглашаем, и который нам кажется выражением по-диктаторной русской действительности, в большей степени, чем демократическая республика, предохраняет Россию от рецидива диктатуры.

Демократическая республика, в русских условиях, всегда будет поражена органической слабостью. Она, в силу этого, будет всегда клониться к такому завершению, как то, свидетелями которого мы были в Октябре 17 года, при чем завершение это сможет притти как с красной стороны, так и с белой. Напротив того, демократическая монархия, если и воспользуется когда-нибудь услугами диктатора, то в качестве своего временного слуги.

Мы не коснемся тут ни преимуществ, которые имеет монархия перед республикой, в смысле разрешения сложнейших национальных вопросов, ни той силы, которую монархия может почерпнуть в прошлом. Первый из этих пунктов совершенно очевиден. Второй же разрешается сам собой: прошлое республики в России — это советский республиканский социализм. Вряд ли мыслимо на него делать какую бы то ни было благожелательную ссылку.

Точно так же мы отвергаем другой упрек, который нам делают республиканцы. Упрек этот построен на том, что наш «зарубежный Император» и «эмигрантский Двор», — это последние брызги старого мира, какие то доживающие свой век на чужбине старорежимные сановники, черпающие утешение во взаимных производствах награждениях, соблюдающие никому не нужный придворный этикет, и никаким образом никому не страшные. Все это совершенно не верно, чтобы не сказать, что все это недобросовестная ложь.

Зарубежное монархическое дело, это, во всяком случае, большая реальность, чем зарубежное республиканское дело. Монархия опирается еще и на право. Это право на Престол. Оно сохраняет свою силу и в условиях изгнания. Царская Семья, помимо своего правового авторитета, дает в руки монархистов еще одно преимущество. — именно преимущество длительности. Немаловажно отметить, что длительное пребывание за границей нас подтачивает.

Когда вымрут и ассимилируются корни русского республи-

кавказского радикализма, кто их сменит? И в этом отношении преимущество у нас.

Не будучи воплощенным в одном лице, а в семейной традиции, легитимно-монархический принцип может, в случае дельнейшей за-тяжки, пережить каждого данного своего носителя.

В качестве традиции, он не подвержен ассимиляции, которая грозит людям, а не Династическому праву.

Напрасно, стало-быть, упреки республиканцев. У нас, монархистов, больше данных в борьбе с большевиками, чем у них. Мы дол-ше можем «выдержать осаду времени». И мы, наконец, точно в та-кой же степени, как и они, руководимся позитивными и разумными соображениями, и ни в какой степени не являемся представителями черносотенного хулиганства и диких пережитков средневековья, как то часто утверждают наши противники.

Нам остается отметить еще одно обстоятельство, очень, надо сказать, существенное с точки зрения постановки в надлежащую плоскость всего того, что касается, и может коснуться в будущем, вопроса об установлении в России монархического режима и пропа-ганды, связанной с подготовкой этого установления. Мы говорим об очень распространенном в последние годы противопоставлении коммунизма «фашизму». При этом, в данном случае, слово «фашизм» мы берем в кавычки, и подразумеваем под этим термином приблизи-тельно то же самое, что подразумевают под ним теперешние власти России, т.е. нечто более широкое, чем то значение, которое фашизм имеет для итальянцев. Мы берем на себя смелость утвер-ждать, что противопоставление фашизма коммунизму заключает в себе элемент недоразумения, и что анти-большевицкое вдохновение, которое источают Рим и Берлин, не подлинно. В международной поли-тике сентиментально-идеалистические соображения отсутствуют.

Отыскивая подлинный водораздел между двумя политическими полюсами наших дней, мы должны искать главный критерий в той системе идей, которая лежит в основе внутренней политики каждого правительства.

Исходя из такой точки зрения, мы, прежде всего, можем конста-тировать, что сталинизм, гитлеризм и муссолинизм, — члены одной семьи, как бы «три сына Ленина», по разному преуспевшие, но об-ладающие, самым бесспорным, семейным сходством.

В трех странах — России, Италии и Германии, — налицо дик-татура. Перед этим основным фактом блекнут второстепенные раз-личия. Концлагери, ссылки, смертная казнь за ничтожные проступ-ки, постоянные проверки идейной благонадежности, единая правя-щая партия, вмешательство государственной власти в част-ную жизнь, обоготворение вождей, государственно-капиталистиче-ские приемы хозяйствования, — все это одинаково характерно и для России, и для Германии, и для Италии. И если эту последнюю стра-ну мы, все же, можем несколько выделить, если мы можем оказать итальянскому диктатору большее доверие, то это, во первых, вслед-ствие того, что качество его распоряжений выше качества распоря-

жений диктаторов русского и германского и, во вторых, оттого, что диктатура в Италии облагорожена монархическими рамками.

За пределами этого качественного и конституционного различия, сходство диктаторских режимов бросается в глаза. В общем, в этих трех странах власть основывает свои мероприятия на одной и той же доктрине: не государство служит человеку, а человек государству, — говорит эта доктрина.

Применительно к сказанному, нам, монархистам, настоятельно необходимо задать себе вопрос: по какую сторону современного политического водораздела находится защищаемый нами принцип?

Находимся ли мы в стане враждующих между собой диктатур?

Или же мы вообще протестуем против принципа диктатуры, противопоставляя ему право, законность и свободу?

Нам кажется, что ответ ясен.

Поскольку мы протестуем против установленной в России коммунистической диктатуры и, в частности, в качестве защитников самого первого права, — права на Престол, — мы возражаем против принципа диктатуры, независимо от ее окраски. Мы противопоставляем идее нарушения законности, идею соблюдения ее.

Мы могли бы, при этом, быть демократами - республиканцами. Но наша верность русской исторической традиции, во первых, и наша уверенность в преимуществах монархии перед республикой, во вторых, побуждают нас быть монархистами-демократами.

«Монархия — это последний оплот демократий», — заявил, не так давно, один из просвещеннейших представителей династических прав в Европе.

«Коронованная демократия, — вот тот режим, к которому я стремлюсь», — провозгласил Король Эллинов, возвращаясь к себе на родину по требованию своего народа.

Действительно, демократический претендент на Престол, это рыцарь, при помощи которого могут быть приподняты и сдвинуты с места могильные плиты кремлевского полицейского вождизма. Такому претенденту обеспечен, после крушения диктатуры в России, отклик тех, кому дороги свобода и право. Монархисты подлинные — поборники законности — подвергают методическому сомнению престиж всякой диктатуры, а не только диктатуры кремлевской. Режущая глаза политическая неустойчивость Европы, постоянная угроза войны международной, и то тут, то там вспыхивающие беспорядки, — частные наступления фашистов на коммунистов и коммунистов на фашистов, — все это элементы временной неустроенности, временных сомнений и временных недовольств. Крепость подлинного права не примыкает в этой борьбе ни к той, ни к другой стороне. Наш взгляд шире: вместе с немцами и итальянцами нам надо, во что бы то ни стало, выйти на путь свободной законности.

И мы утверждаем:

Диктатуры уже не суть обещания лучшей жизни. Они уже реальность, себя не оправдавшая. Им предстоит сумерки. За тем чудовищ-

ным каждением вождям, которое характеризует диктаторские режимы, мы угадываем неодобрительное молчание, скрывающее не только критику, но и ненависть.

Мы отлично отдаем себе отчет в том, что диктаторы повинны в нерассеивающейся угрозе войны и в затягивающемся экономическом кризисе.

«От них—все качества». Преступно было бы нам, поборникам права и свободы, плестись теперь в хвосте «фашизма». И никак не можем мы противопоставляем тому, что происходит сейчас на нашей родине, и что можно было бы фигурально назвать «инфляцией материалистического и вождистского идеализма», то же самое, но перефасоненное на другой манер, и скороспело окрещенное некоторыми эмигрантскими публицистами «приматом духовного начала».

Насилию противоречит свобода. Беззаконию — законность. Отрицанию человеческого достоинства, — его утверждение. Произволу, — гласный суд. Власти единой партии — надпартийный, внесловный и надклассовый престиж монархической традиции. Изошренности «генеральных линий», — свободная совесть.

Мы скажем, стало-быть, в заключение:

Беззаконной диктатуре Сталина противостоит законная монархия.

Я. Н. Горбов.